Сергей Салтыков

Сергеи

18+

Нижний Новгород

Сергей Салтыков

Сергеи

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Салтыков С.

Сергеи / С. Салтыков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Психологический детектив, основанный на реальных событиях с реальными участниками. Рассчитан на вдумчивого читателя всех возрастных категорий.

Содержание

Вступление	6
Сергей Кондратенко	8
Сергей Коршунов	12
Сергей Белянов	15
Первые результаты	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей (Сергий, Серж, Сержиус) – современная форма устаревшего Сергиус. В переводе с латинского – "божий слуга", высокий, знатный, значимый, яркий. Главные черты характера – дружелюбие, способность к сопереживанию, отвага и уверенность, упорство до упрямства. (Из толкователя имен).

Вступление

Эта история не имеет начала. Довольно долго мое сознание не могло связать воедино отдельные факты разбросанных в пространстве и времени событий. Они больше касались моих друзей и знакомых, задевая меня лишь запоздалым рикошетом отдаленных последствий. Я относился к ним, как к обычному, естественному течению своей и чужой жизни. Несколько лет назад невидимые нити причинно-следственных закономерностей связали эти разрозненные события и их участников в единое целое. В то время я еще не мог представить себе общую картину происходящего. В ее многоплановой и многоцветной мозаике недоставало нескольких существенных фрагментов. Но уже тогда появились первые ощущения мистической иррациональности ее сюжета и трагической предопределенности финала всей этой необычной истории. За последние месяцы эти ощущения выросли до состояния фатальной обреченности и необъяснимого страха. Страх не столько за себя, сколько за других, еще живых, ее участников. По мере приближения к развязке эта история все чаще и чаще в моем воображении представлялась незаконченным тканым полотном. С вращающихся катушек к ткацкому станку тянулись разноцветные нити. В их цветовой гамме существенно преобладали черные и красные тона. Большинство катушек уже были пустыми, на других оставалось всего по несколько витков. Выходящая из-под медленно движущейся каретки ткань, ложилась на приемный стол широкими волнообразными складками. Весь гобелен одновременно обозреть было невозможно. Доступные взору отдельные фрагменты подводили к неутешительному выводу о содержании последних, еще не сотканных, рядков и безграничном трагизме общего сюжета всего полотна.

Развязка приближалась стремительно и неотвратимо. Весь вчерашний день прошел в поисках последних правильных решений и ожидании телефонных звонков. Ночь – в борьбе с самим собой и хронической бессонницей. Утро – с дурным настроением от кошмара короткого предрассветного сна. Когда раздался звонок на входной двери, первым желанием было не вставать, никому не открывать и ни с кем не разговаривать. Звонок не утихал, заставив перебороть раздражение, подняться и открыть. Распахнув дверь тамбура, застыл от неожиданности. На лестничной площадке стояла пожилая женщина. Худощавая, невысокого роста, одетая во все черное – черный платок до бровей, черная куртка, застегнутая на все пуговицы, черная юбка до пола. В ошарашенном мозгу искрой промелькнула дурацкая аналогия: "Именно так, за самыми грешными и самонадеянными в их последний день приходит Старуха-Смерть!" То ли наслаждаясь произведенным на меня эффектом, то ли давая время опомниться и прийти в себя, женщина, молча, стояла, изучая мое растерянное лицо спокойным, внимательным взглядом. "Здравствуйте! Вы – Сергей?" – ее голос оказался намного приятнее внешности. Это немного успокоило, но все равно, вместо внятного утвердительного ответа, меня хватило лишь на то, чтобы едва заметно кивнуть головой". Мне велено передать Вам это" – она быстро вложила в мою ладонь бумажный конверт, молча, развернулась и ушла по лестнице, не став вызывать лифт. Из затянувшегося оцепенения вывела донесшаяся из квартиры трель вызова мобильного телефона. Пока добежал – вызов прекратился. Номер вызывавшего абонента не определился. Неприятное ощущение приближающейся развязки нарастало все быстрее и отчетливее. Я прекрасно понимал, что вмешаться в ход событий и изменить надвигающийся финал – не в моих силах. Оставалось только ждать. Именно поэтому, мельком взглянув на конверт, не распечатывая, положил его вместе с телефоном на стол. Кроме моего имени-отчества, на нем больше не было никаких надписей – ни адреса, ни данных отправителя, ни почтовых штемпелей и марок. Даже без слов необычной курьерши, вручившей мне конверт, можно было предположить, что почтовая доставка в данном случае исключалась изначально. Каким-то шестым чувством догадался, от кого пришло это письмо, и что для меня будет значить сам факт его получения. И только потом, через несколько секунд, уже умом осознал, что

его автора – отправителя уже нет в живых. Это было не просто письмо, а тревожный сигнал, фатальное уведомление о том, что еще один участник этой драматической истории покинул наш бренный мир перед самой ее развязкой. Боль утраты близкого мне человека мгновенно смешалась с чувством страха и изматывающего переживания за судьбу другого, от которого я ждал известий все эти последние дни. Когда в очередной раз вспомнилось, что все они были моими тезками – Сергеем, и стали участниками этой истории из-за меня, снова всплыло давящее чувство вины и мистической предопределенности уже случившегося и еще предстоящего. Не зная что делать, безвольно сидел за столом, тупо уставясь на конверт и телефон. А возбужденная и растревоженная память, словно пытаясь окончательно добить измученное сознание невыносимыми муками, самовольно и беспощадно, в тысячный раз прокручивала перед мысленным взором основные эпизоды и сцены этой истории, внося новые штрихи и полутона в портреты ее участников.

Сергей Кондратенко

Он появился в нашем 3-А классе старой, довоенной постройки, восьмилетки в середине учебного года. Классная руководительница, Александра Яковлевна, представляя новичка, кратко проинформировала, что их семья переехала в Донбасс из другого региона нашей необъятной Родины. Крепкий светловолосый мальчуган очень стеснялся такого повышенного внимания к себе. Коротко и односложно отвечал на вопросы учителя и одноклассников, прятал взгляд в пол, и почувствовал заметное облегчение лишь после того, как его усадили за одну из последних парт. Все последующие дни новичок старательно избегал общения с новыми одноклассниками, после уроков молча собирался и быстро уходил из школы. Мне, с моим другом Лисовым Сергеем, стоило большого труда, завязать с ним хрупкие товарищеские отношения. Причину замкнутости и малообщительности Кондратенко мы узнали только через несколько недель. Сергей рос без отца. Мать – тетя Паша – постоянно работала во вторую смену. Весь остаток дня после школы Сергею приходилось посвящать своему младшему брату – четырехлетнему непоседе Вовке. Чтобы побыть вместе, нам троим оставался один выход – проводить вечера дома у Кондратенко. Через какое-то время, Вовка считал своими старшими братьями не только своего родного Сергея, но и нас с Лисовым. На его детское "Силеза" или "блатик", откликались одновременно все трое. Даже такое сближение через малыша, не смогло полностью раскрыть и изменить замкнутый характер Кондратенко. Только спустя несколько месяцев, нам с Лисовым удалось узнать его главную, тщательно скрываемую и оберегаемую от посторонних, тайну. Оказалось, что Сергей страстно увлечен индийской йогой. Уже около трех лет он занимался особой гимнастикой, часами медитировал, уединившись от чужих глаз в каком-нибудь укромном месте, запоем читал книги на эти темы. Кто и каким образом, в столь раннем возрасте, привил ему любовь к этой экзотической восточной культуре, для нас с "Лисом" так и осталось загадкой. Он стойко переносил все наши шутки и колкости на этот счет, не обижался и не сердился. Мало того, не обращая внимания на весь наш скепсис, долго и упорно пытался приобщить к этому необычному увлечению и нас. Мы с "Лисом" сначала "за глаза", а потом и в открытую, стали называть Кондратенко Йогом. Потом, сделав поправку на юный возраст друга, изменили прозвище на "Йогжик". Через какое-то время, сократив для удобства, называли его, просто, "Еж". Наша дружба развивалась и крепла с каждым годом. К окончанию восьмилетки, не только родные и одноклассники, но и все поселковые знакомые, называли нас не иначе, как "Три Сергея". Потом, как часто случается в жизни, судьба разбросала нас по разным городам и весям. Я уехал учиться на врача в Запорожье. Лисов – на стоматолога в Днепропетровск. Кондратенко поступил в строительный техникум и остался в любимом Донбассе. Видеться стали намного реже. Сначала – только на каникулах, потом – в редкие приезды на побывку на малую Родину. Позже, общение и вовсе ограничивалось лишь телефонными переговорами. Застойные 80-е и лихие 90-е, еще больше усугубили ситуацию. Нас, как щепки в штормящем океане, то на какое-то время сближало, то снова отдаляло на годы и километры. Сергей "Лис" после окончания института тоже некоторое время прожил в Запорожье. Его жена Ирина оказалась родом из этого прекрасного приднепровского города. Несколько раз встречались семьями. Чаше – не получалось, не хватало времени и общего, объединяющего интереса. В это время я по Андроповскому призыву уже служил в милиции и заочно учился в Харьковском юридическом институте. Там же в Харькове, несколько раз встречался с "Ежом". Он из нас троих, покинул Донбасс последним. Кондратенко, в отличие от нас с "Лисом", официально в брак не вступал. С гражданской супругой жил в ее квартире на окраине города, занимался ремонтом и отделкой жилых и офисных помещений. Из его немногословных рассказов мне было известно, что его младший Вовка остался в Донбассе с матерью, часто выезжает на заработки в страны Европы. Потом "Лис" с женой уехали покорять Москву. Я закончил второй

институт и перестал ездить на сессии в Харьков. "Еж" сменил адрес и номер телефона. Мы снова потерялись на несколько лет. Восстановить связь удалось только благодаря оставшимся в Донбассе нашим родителям.

Новое тысячелетие и бардачные нулевые годы начались для меня с очередного крутого поворота жизненной траектории, изменения социального статуса и образа жизни. В неполные сорок, в звании подполковника милиции, я вышел на пенсию по выслуге лет. Активно пытался вытеснить из памяти кошмары и психические деформации, доставшиеся в наследство от тяжелой и опасной службы, адаптироваться к уже забытой гражданской жизни. Удавалось с трудом. Семь лет я прослужил в УБОП, четыре из них – в должности начальника областного отдела по борьбе с бандитизмом, рэкетом и незаконным оборотом оружия. Пережитое часто возвращалось кошмарными снами, неожиданными рикошетами реализованных и нереализованных оперативных дел, последствиями личных бесшабашных поступков и неисправленных ошибок. Отработав год начальником безопасности в ОАО, специализировавшейся на оптово-розничной торговле нефтепродуктами и строительстве заправок, ушел на собственные "вольные хлеба" – занялся частной юридической практикой. Активно участвовал в УБОПовском ветеранском движении и вскоре был избран руководителем областного отделения Международной Ассоциации. По этим причинам мой милицейский дембель вскоре обрел условный, половинчатый характер. Я продолжал ежедневно общаться со своими бывшими начальниками, подчиненными и коллегами. Постоянно контактировал с сотрудниками судов, прокуратуры и адвокатуры. Периодически – с бывшей агентурой и уголовно-преступным контингентом.

Звонок Кондратенко Сергея стал для меня приятной неожиданностью. После нашего предыдущего телефонного разговора прошло уже несколько лет. Радость моя улетучилась с его первыми же словами. Расстроенным и растерянным голосом, сумбурными сбивчивыми фразами, он рассказал мне о своей беде. Пропал его брат Вовка! С помощью наводящих и уточняющих вопросов, через несколько минут эмоционального разговора, удалось восстановить более-менее понятную картину происшедшего. Около недели назад, Вовка возвращался из очередной "шабашки" в Португалии. Звонил из Львова. Сообщил, что поездка была успешной, неплохо заработал. Деньги, как обычно, на украинской территории внес на банковскую карту. Обещал через двое суток появиться у Сергея в Харькове, а уже оттуда – поехать в Донбасс, к матери. В обещанное время брат у Сергея не появился, звонков тоже не было. Несколько дней "Еж" не беспокоился, решив, что Вовка сразу направился к матери. Созвонившись с ней накануне, узнал, что он не появился и у нее. Несколько раз пытался дозвониться ему сам. Его мобильник все время был отключен. Поняв, что с братом произошло что-то плохое, решил позвонить мне. Первыми моими словами были утешающие предположения о том, что для паники нет оснований. Вовка просто мог поменять свои планы. А отсутствие телефонной связи могло быть обусловлено множеством технических причин и банальных жизненных ситуаций. Возможно, в данном случае замешана женщина. Дело-то молодое! Хорошо поработал, захотелось хорошо отдохнуть. Нужно просто подождать еще несколько дней. Вовка обязательно объявится живой и невредимый! Не успев озвучить свои доводы до конца, сам себя поймал на мысли, что поступаю, как ленивый, тупой и черствый мент, а не как близкий человек и надежный друг. Словно прочитав мои мысли, "Еж" дополнил свой рассказ короткой репликой о походе в ближайший харьковский райотдел милиции. Заявление там у него не приняли, объяснив отказ примерно моими же словами, только в более грубой и развязанной форме. Мне стало за себя стыдно. Мы оба знали, что Вовка – обязательный и осмотрительный человек, всегда отвечавший за свои слова и поступки. Исправляя положение, перевел разговор в новое, конструктивное русло. Более системно и детально допросил Сергея по всем деталям происшедшего, нюансам личностных качеств и привычек Вовки, имеющим значение для оценки ситуации и организации его розыска. В конце разговора, в буквальном смысле слова, надиктовал ему список мероприятий, которые он должен лично выполнить до приезда ко мне в Запорожье. Этот список включал

в себя подбор свежих фотографий с изображением пропавшего, образцами одежды и вещей, находившихся при нем. По возможности – идентификационные номера мобильного телефона и банковской карты, список друзей и знакомых по месту жительства и заграничным "шашкам". Вовка не был женат, по прописке числился в Донбассе у матери. Пару лет назад в пригороде Харькова купил хату – развалюху с хорошим земельным участком, начал строить новый просторный дом. Большого труда стоило уговорить Сергея рассказать о случившемся матери. Он не хотел расстраивать ее раньше времени, боялся, что не выдержит слабое сердце. Но это было крайне необходимо для организации эффективного розыска. Зная о бардаке и плачевном состоянии дел в родной милиции, я решил одновременно зарегистрировать два заявления о розыске без вести пропавшего. Одно, от имени Сергея, в Харькове. Второе, от имени матери – в Донбассе. Такой тактический ход в будущем развязывал нам руки, создавал возможности для маневров и увеличивал шансы на успех.

Закончив разговор с "Ежом", принялся за составление плана собственных действий. Через несколько минут, оценив объем и сложность предстоящей работы, не на шутку расстроился. Очевидно, что Вовка стал жертвой преступления. Одиноким гастарбайтер, возвращающийся на Украину с деньгами после удачной заграничной "шашки" – очень привлекательный объект для всех категорий преступников. Вероятнее всего, предстоит искать не живого Вовку, а его труп и причастных к убийству извергов. Даже в самом идеальном случае, если удастся наладить нормальное взаимодействие с сотрудниками милиции, применить самые надежные и эффективные способы их морального и материального стимулирования, достижение положительных результатов оставалось под большим вопросом. Основные причины – упущенное время и неопределенное пространство поиска. Активные оперативно-розыскные мероприятия необходимо проводить одновременно в нескольких областях Украины. Скоординировать и скоординировать необходимые ресурсы под силу только солидной бригаде профессионалов высокого уровня. Это – в идеальном случае. В реальности же, найдутся тысячи объективных и субъективных причин, чтобы вести розыск кое-как, или не вести вообще. С учетом реального положения дел в правоохранительных органах, стоило рассчитывать только на свои собственные силы. У меня были определенные возможности по линии Международной Ассоциации ветеранов УБОП. И в Львовской, и в Харьковской, и в Донецкой областях. Со всеми региональными руководителями сложились хорошие деловые и дружеские отношения. Но этого было явно недостаточно. У всех хватало собственных забот. К тому же, кроме объективных, нужно было учитывать один очень важный субъективный фактор. Все ветераны, особенно выходцы из практических оперативных служб, на подсознательном уровне, категорически не желали возвращаться в кошмарный омут непосредственного контакта с уголовно-криминальной средой, из которого не так давно вынырнули полуживыми и ошутимо потрепанными. Тем более, в усеченном и бесправном гражданско-пенсионном статусе. Это касалось и лично меня. Несмотря на некоторые проблемы со здоровьем, в свои сорок лет я был полон жизненных планов. Большинство из них не были связаны даже с юридической практикой и ветеранской общественной деятельностью. Я не мог разом все бросить и посвятить все свое оставшееся время трудному и малоперспективному розыску и расследованию. Отдельной темой стоял вопрос о предстоящих финансовых затратах. Внутренний голос настойчиво рекомендовал отказаться от полноценного и активного участия в этом деле и ограничиться лишь консультативной помощью и периодическими контактами с сотрудниками милиции, которые будут этим заниматься в соответствии со своим служебным долгом. Как только я начинал склоняться к такому решению, тут же отзывался мой другой внутренний голос. С укором и разочарованием он напоминал мне о том, что в данном случае речь идет о чем-то большем, чем банальная трата сил, времени и материальных ресурсов. "Еж" потому и обратился ко мне, что его положение в этом плане – намного хуже моего. У него тоже работа, семья, ограниченные финансы. Принять первый вариант, означало оставить его с этой бедой один на один, лишить даже минимального шанса

на положительный результат. Он и обратился ко мне не только, как к профессионалу, а как к старому и надежному другу, который не только может, но и обязан, сполна разделить с ним всю тяжесть и горечь навалившейся беды. Мои личные планы и предпочтения в данном случае должны быть отодвинуты на задний план. Приняв окончательное решение, сосредоточился на основных организационных вопросах. Прежде всего, нужен был человек, имеющий реальную возможность повседневного непосредственного контакта с "Ежом", как с заявителем и процессуальным представителем потерпевшего. Он же будет обеспечивать непрерывный контакт и рабочее взаимодействие с сотрудниками милиции. На первом этапе было достаточно его постоянного присутствия в Харькове, по месту жительства Кондратенко и в планируемом эпицентре всего предстоящего мероприятия. Такой человек у меня был. Мало того, он, как никто другой, идеально подходил на эту роль. Не раздумывая и не откладывая на потом, нашел номер и набрал своему давнему и надежному другу "Коршуну"

Сергей Коршунов

Со своим харьковским тезкой и коллегой, я случайно познакомился во время поездки на экзаменационную сессию в Харьковском юридическом институте имени Ф.Э. Дзержинского. Он тогда помог мне устроиться в гостиницу. В эпоху повального блата и дефицита всех товаров и услуг эта помощь много значила и дорогого стоила. Относительно центральной и самой востребованной в городе гостиницы "Харьков", она часто была не по плечу даже большим милицейским начальникам. А мне, рядовому оперу Запорожского УгРо, ее оказал рядовой опер Харьковского УгРо. От безвыходности положения и нежелания ночевать на вокзале, я не смог придумать ничего лучше, чем напрямую обратиться в территориальный Дзержинский РОВД. Там я и встретил своего будущего верного и надежного друга. Характер Сергея оправдывал его фамилию и соответствующее ей прозвище "Коршун". Он был резким и категоричным человеком, не признающим полумер и полутонув. Любая несправедливость, наглость, или хамство мгновенно вызывали в нем ответную реакцию. Зачастую эта реакция превосходила разумную, адекватную меру. Все его близкое окружение списывало эту проблему на пройденную им войну в Афганистане. "Афганский синдром" уже тогда становился разнонаправленным и универсальным объяснением многих нестандартных поступков и характеров. Поспешность в принятии решений и взрывной темперамент удивляли и занимали меня намного меньше, чем другая его противоречивая особенность. Внешность Сергея абсолютно не соответствовала ни его прозвищу, ни его поведению. Коренастый и светловолосый, постоянно улыбающийся добряк, больше походил на открытого и добродушного "рубаху-парня", чем на опытного бойца – волкодава, собственными руками отправившего на тот свет с дюжину не менее сильных и опытных врагов. Мы сошлись и по службе, и по дружбе, сблизилась семьями. В течение пяти лет, на всех экзаменационных сессиях, мой гостиничный номер был для него вторым домом. Не только потому, что он часто оставался у меня ночевать. От гостиницы до райотдела было намного ближе, чем от его квартиры. Это было важно при постоянной нехватке времени, особенно после затянувшихся ночных застолий. Мой номер стал своеобразным местом встреч для студентов нашего института, студентов-геологов расположенного рядом госуниверситета, их друзей и родственников. Местный опер "Коршун" был для всех них также незаменим и полезен, как и для меня. Он безотказно выполнял все их просьбы и поручения – достать билеты на поезд или концерт гастролирующей эстрадной звезды, устроить в гостиницу, узнать адрес и телефон потерянных друзей и знакомых. Случались и непредсказуемые эксцессы. Однажды мой земляк, Доменко Мишка, вечером заглянул в гости вместе со своим знакомым. По прическе и одежде молодого незнакомца можно было догадаться, что он принадлежит к, так называемым, неформалам. Наше застолье было в самом разгаре. По выражению лица "Коршуна" я понял, что он не в восторге от появления за столом такого гостя. Проявляя невыносимую для него толерантность и отдавая дань уважения другим присутствующим, Сергей долго и мужественно терпел его присутствие и бестолковые юношески-нигилистические разглагольствования. Когда от выпитого неформалу стало жарко и он снял свитер, гости с удивлением обнаружили на нем рубашку, с множеством приколотых на груди значков. Большинство расценили выходку парня, как безвинный, юморной "прикол". Лишь "Коршун", присмотревшись повнимательней и обнаружив рядом с милицейскими гербами и зачком "ГТО" эмблему фашистской эсесовской свастики, расценил все по-своему и сделал неформалу соответствующее замечание. Наверное, парня тоже ввела в заблуждение обманчивая внешность "Коршуна". Он легкомысленно ответил ему с плохо скрытой издевкой. В руках Сергея тут же, неизвестно откуда, появилась резиновая милицейская дубинка. Методично опуская ее на спину неформала, он доходчивыми словами стал объяснять ему причину несовместимости военной фашистской и советской милицейской символики и неуместность появления эсесов-

ской свастики за нашим столом. На правах хозяина номера я пытался остановить друга сначала словами. Видя, что он на них никак не реагирует, бросились с Мишкой прекращать экзекуцию физически. В итоге, оба получили по рукам и спинам той же резиновой палкой. Позже, нехотя признавая в той ситуации некоторый перегиб, "Коршун" долго упрекал меня за то, что я стал на защиту неформала, а не поддержал его. Я часто предупреждал своего друга, что с таким характером ему будет трудно дослужить в милиции до пенсии. Почти не удивился, когда через несколько лет, он сообщил мне, что увольняется. Правильнее сказать, его уволили. Причиной стал банальный водительский конфликт на дороге. "Коршун" набил морду хаму, который своей наглой и опасной ездой, с явным нарушением всех правил дорожного движения, чуть было не спровоцировал серьезное ДТП. Нарушитель был заметно пьян, управлял собственной дорогой иномаркой. Как положено, после небольшого физического внушения, был передан "Коршуном" в руки сотрудников ГАИ. В результате скоропалительного разбирательства, серьезные обвинения были предъявлены самому "Коршуну". Пьяный хам оказался персональным водителем второго секретаря обкома КПСС. Руководство милиции пыталось защитить молодого, результативного опера, но силы оказались неравными. Перечить и противостоять "руководящей и направляющей силе общества", никто в то время не мог. Единственное, чего удалось добиться – прекращения уголовного дела и возможности уволиться по собственному желанию. После увольнения "Коршун" какое-то время поработал охранником, потом занялся частным извозом. Мой звонок его несказанно обрадовал. После обмена традиционными приветствиями и свежими новостями, "Коршун" в разговоре сам признался, что страдает от скуки и монотонности гражданской жизни. Мое предложение участвовать в розыске пропавшего Кондратенко Вовки, принял без колебаний. Уже через три дня на его загородной харьковской даче состоялось первое организационное собрание нашей новоиспеченной оперативно-детективной группы. С первых минут общения, я с радостью для себя отметил, что "Коршун" и "Еж" имеют много общего. И во внешности, и в характерах. Оба светловолосые, крепкого телосложения, с открытыми добродушными лицами. Каждый не любил пустой болтовни и недомолвок, в разговорах старался изъясняться коротко и по существу. Единственное отличие, явно бросающееся в глаза – общий фон настроения. Видно было, что Кондратенко давит и угнетает беспокойство за судьбу пропавшего брата. А Коршунов, как ни старался, не мог скрыть блеск охотничьего азарта и радость бойца, вернувшегося в строй после затянувшегося отпуска. Они быстроладили между собой, и уже через несколько минут, общались, как старые закадычные друзья. Снова прошлись по кругу всех фактов и обстоятельств, предшествовавших исчезновению Вовки, скрупулезно проанализировали и подвели итоги. Сомнений в том, что он стал жертвой тяжкого преступления, больше не оставалось. Определили общую стратегию и конкретные направления предстоящей работы. "Ежу", как официально представителю потерпевшей стороны, отвели непосредственный процессуальный контакт с правоохранительными органами. На меня возложили организацию и координацию всей работы, контакты с милицейским руководством, "расширение" узких мест, непредвиденных кризисных ситуаций и улаживание конфликтов с государственными органами и учреждениями. В том, что таковые возникнут, никто не сомневался. Детальную проработку и исполнение конкретных оперативно-детективных мероприятий поручили "Коршуну". Когда речь зашла о финансовом обеспечении деятельности группы, мы с "Коршуном", не стовариваясь, настояли на том, чтобы все расходы поровну делились на троих. После недолгого сопротивления, "Еж" сдался, коротко и смущенно поблагодарив нас за это решение.

Первые практические шаги группы, связанные с подачей заявлений о розыске без вести пропавшего, состоялись без особых затруднений. Необходимые запросы и ориентировки были направлены во все интересующие нас органы и учреждения. Неповоротливая машина официального розыска Кондратенко Вовки, нехотя, медленно и со скрипом, тронулась с места. Работу по опознанию уже зарегистрированных неопознанных трупов и неконтактных, находящихся в

бессознательном или неадекватном состоянии пациентов больниц, разделили с закрепленными за оперативно-розыскными делами сотрудниками милиции. Они не возражали против неожиданной, но весьма ощутимой помощи с нашей стороны. Время шло, работа по всем направлениям шла активно, но без видимых результатов. Оба оперативно-розыскных дела превратились в объемные по форме, но пустые по содержанию накопители бесполезной макулатуры. Из всей массы поступивших ответов на запросы, внимания заслуживала лишь информация о снятии с банковской карты Кондратенко крупной суммы наличных денег. Это произошло в одном из киевских банкоматов, спустя почти двое суток после его звонка из Львова. Практическую ценность информации сводила "на нет" последняя фраза о том, что фотоизображение лица, производившего снятие денег, не сохранилось по техническим причинам. Был ли это Вовка, или кто-то другой, оставалось только гадать.

В результате напряженных трехнедельных коллективных усилий удалось немного продвинуться в вопросе уточнения маршрута движения пропавшего, после его звонка из Львова. Установили и разыскали попутчика Вовки, такого же гастарбайтера из Ивано-Франковской области. Перепуганный насмерть "западонец" наотрез отказался разговаривать с русскоговорящими операми из Донецка. Местные милиционеры, встав на сторону земляка, под разными формальными предложениями, долго и искусно уклонялись от помощи своим восточным коллегам. Пришлось звонить региональному руководителю международной УБОПовской Ассоциации Марьяну Михайловичу и просить его вмешаться в неожиданное этно-языковое противостояние. В конце концов, упрямого гастарбайтера все-таки удалось разговорить и получить ответы на все интересовавшие нас вопросы. Он подтвердил, что Кондратенко при нем купил билет в купейный вагон на вечерний поезд до Киева. Саму посадку и отправление не видел, так как его поезд отправлялся раньше. Уточнили детали одежды – на Вовке была новая кожаная куртка черного цвета, синие джинсы и темные кроссовки. При нем, также, была синяя спортивная сумка с личными вещами и подарками, недорогой мобильный телефон, дешевые наручные часы. О деньгах и конечном пункте поездки, разговора не было. Дальнейшая проверка гастарбайтера подтвердила его алиби и полную непричастность к исчезновению Вовки. Все остальные организационные и практические мероприятия реальных результатов не принесли. Спустя три месяца напряженной работы, мы не продвинулись в розыске и расследовании ни на шаг! Все это время меня не покидало чувство какой-то нестандартности и исключительности всей этой ситуации. При всей банальной простоте ее начала, меня не покидало ощущение, что я впервые столкнулся с чем-то не имевшим аналогов ни в моей служебной практике, ни в традиционной криминологии вообще. На этом фоне я все отчетливее осознавал тщетность и бесперспективность не только официальных милицейских, но и наших частно-детективных усилий. Все ближе подходил к выводу о том, что без каких-то неординарных решений и нетрадиционных методов, в этом деле не обойтись. Я все чаще и чаще вспоминал о своем необычном друге. Спустя пару дней после звонка Кондратенко Сергея и первого его сообщения о пропаже Вовки, при случайной встрече с ним, я вскользь упомянул об этой ситуации и своем решении частным образом участвовать в его розыске. Тогда он мне ничего не ответил по существу. Когда я спросил у него, могу ли я рассчитывать на его помощь в случае неблагоприятного развития ситуации, он ответил, что благоприятного исхода в ней ожидать не стоит. После длинной паузы добавил, что для более конкретного ответа ему нужна фотография пропавшего и что-нибудь из его личных вещей. Ни того, ни другого у меня на тот момент при себе не было. Я тогда обратил внимание на явные оттенки досады и скорби в интонациях ответа моего друга, но расценил их как проявления нашей многолетней дискуссии о смыслах разумной жизни человека, о борьбе со злом вообще и моем милицейском прошлом, в частности. Потом я уехал в Харьков. В очередной раз проанализировав скудные результаты трехмесячных усилий, я решил наступить на горло своей профессиональной и атеистической гордыне и вновь, уже конкретно и серьезно, повторно обратиться за помощью к моему необычному другу, отцу Сергию.

Сергей Белянов

С началом осенних холодов занятия по физкультуре в Запорожском медицинском институте переносились в просторный спортзал спортивно-аудиторного корпуса. На этот раз студенты-первокурсники нескольких совмещенных учебных групп играли в баскетбол. Вернее, играли только парни, девушки в качестве активных болельщиц сидели на длинных лавках вдоль стен. Это были первые месяцы учебы. В группах вовсю шла взаимная притирка и сближение студентов, формировались первые симпатии и дружеские отношения. В зале под щитами разгоралось нешуточное соперничество. Мужская часть учебных групп состояла из двух неравнозначных половин. Первая – выпускники подготовительного отделения, молодые мужчины, прошедшие службу в рядах Советской Армии. Вторая – вчерашние выпускники средних школ, семнадцатилетние юнцы, большинство из которых еще не освободились из-под строгой родительской опеки. Первая половина доминировала в группах благодаря общему развитию и жизненному опыту. При этом, явно проирывала по уровню успеваемости и раскрепощенности поведения в студенческой среде представителям второй половины. Этот проигрыш, а зачастую и ущемленное самолюбие, с лихвой компенсировался на занятиях по военной подготовке и физкультуре. Там недавние дембеля в полной мере демонстрировали не нюхавшим пороху "ботаникам" свое физическое превосходство и другие результаты нелегкой армейской службы. Вот и этот баскетбол, по своей динамике и жестокости, больше походил на американское регби. Свою каплю в запредельный накал эмоций добавляло и присутствие прекрасных болельщиц на скамейках. Периодически отвлекаясь от игры на самых крикливых и остроязычных из них, я случайно обратил внимание еще на одного болельщика. То ли ему не хватило места, то ли он просто стеснялся сидеть рядом с разгоряченными девушками в спортивных костюмах, но он одиноко стоял подпирая стенку рядом с краем лавки и тоже неистово болел. Он выглядел очень щуплым и физически слабым. Жалкий вид усугубляли старый, застиранный и заштопанный в нескольких местах, спортивный костюм и дешевые изношенные кеды. Горящие глаза и живая мимика лица наглядно выдавали его противоречивые эмоции. Он страстно хотел участвовать в игре, но одновременно боялся принимать участие в этом жестоком действе, опасаясь быть задавленным и покалеченным более рослыми и сильными игроками.

До финального свистка судьи оставались считанные секунды, а счет оставался ничейным. Неожиданно отбитый кем-то мяч отскочил в сторону этого необычного болельщика и он рефлекторно поймал его руками на уровне собственной груди. Секунду неподвижно стоял, вертя головой попеременно, то к ближнему, то к дальнему кольцу. В следующее мгновение, сделав два шага в сторону дальнего кольца, как-то неуклюже, по-женски, от живота, метнул в него мяч. Ипопал!!! Финальный свисток совпал с звонком об окончании урока, растворился в криках игроков и болельщиков. Все кричали о своем. Кто-то возмущался по поводу вмешательства болельщика в игру, кто-то жалел о потерянных последних секундах и ничейном счете, кто-то восхищался броском: "Молодец , Серега! Донатас Банионис – отдыхает!". Только я один, как вкопанный, застыл на месте и молчал, как рыба. Во время этого броска, я оказался на крайне-левом фланге поля, почти у стены, почти за спиной бросавшего. Мне хорошо было видно траекторию полета мяча вдоль ее оси. В какой-то момент я ясно увидел, что мяч, в последней трети этой траектории, самопроизвольно изменил направление полета, чтоб точно попасть в кольцо на щите. Это не было эффектом "закрученного" мяча, как при ударе с дальней дистанции в футболе. Это больше было похоже на то, как если бы мяч срикошетил от невидимой преграды. Но более мягко и плавно. Такое изменение траектории часто можно было видеть в матчах профессионалов американской НБА. Когда высоко выпрыгивающий из-под кольца игрок, легким касанием ладони подправляет в корзину дальний бросок своего товарища по команде. Но в данной ситуации, мяч ни о какую преграду не ударился,

никто не выпрыгивал и не подправлял его в корзину. Когда я снова посмотрел на парня, бросившего мяч, наши взгляды встретились. Через секунду он отвел его в сторону, наклонился и стал возиться со шнурком на кеде. Но и этого мгновения мне хватило, чтобы зафиксировать быструю смену охвативших его эмоций. Короткое ликование уступило место смущению и неловкости от всеобщего внимания. Провожая взглядом преподавателя, уносящего из зала "волшебный" мяч, я так и продолжал стоять на краю игрового поля, пока, вдруг, не услышал за плечом: "Привет! Я – Сергей Белянов из 17 группы!" Поговорить мы тогда толком не успели – заканчивалась перемена, и надо было торопиться на новую пару. До конца первого курса мы случайно встречались всего лишь пару раз в коридорах учебных корпусов. Кроме коротких приветствий и риторических вопросов "Как дела?", подразумевающих такие же риторические ответы, особо не общались. Видя, как он смущается при встрече, сам не решался расспросить его о том необычном броске.

Очень медленно, наше знакомство выросло до уровня общепринятого студенческого товарищества. Мы стали рассказывать друг другу о себе, делиться впечатлениями о занятиях, однокурсниках и преподавателях, прочитанных книгах. По мере изучения личности своего нового товарища, я все больше убеждался, что он интересен, прежде всего, своими отличиями от меня, а не сходствами, как большинство других моих друзей и знакомых. Я был выше его ростом, спортивного телосложения, следил за модными тенденциями в молодежной среде – носил удлиненную прическу, джинсы, яркие футболки, спортивные куртки и кроссовки. Белянов одевался в бесформенные отечественные костюмы темных тонов, одноцветные рубашки с длинным рукавом, тупоносые туфли и ботинки. Я активно занимался спортом, комсомольской и общественной работой, любил шумные компании, флиртовал с однокурсницами. Он – любил книги и одиночество, избегал формальные и неформальные общественные мероприятия. Само собой разумеется, я считал себя лидером в нашем тандеме. До поры, до времени. Потом начал замечать, что кроме явных противоположностей и различий, в характере и поведении моего нового товарища много загадочного и непонятного. Прежде всего – манера общения со мной. Он никогда не спорил и не повышал голос. При этом, очень редко соглашался со мной полностью. Внимательно выслушав, делал заметную паузу и парой – тройкой выверенных, убедительных фраз почти "на нет" сводил мои, казалось бы, неопровержимые доводы и аргументы. Никогда не резюмировал и не подытоживал сказанное, как бы умышленно оставляя эту работу мне. Через какое-то время, я все чаще стал ловить себя на мысли, что порой чувствую себя рядом с ним горячим и торопливым недоучкой, склонным к поспешным и поверхностным суждениям. Лишь потому, что Белянов никогда не демонстрировал в отношении меня ни высокомерия, ни снисходительности, эти чувства не вызывали во мне обиду и раздражение, а, наоборот, только усиливали интерес и уважение к его личности. Совпадение наших интересов больше всего проявлялось в изучении и осмыслении физиологии человеческого организма, особенно в его высшей нервной деятельности. Со второго курса я подрабатывал в отделении нейротравматологии больницы Скорой помощи. На четвертом курсе, в дополнении к этой подработке, оформился на полставки в отделение неврологии Областной клинической больницы. Как хорошо успевающий студент, получающий повышенную стипендию и практические навыки на подработках, я считал себя достаточно подготовленным по этой тематике. Но то, что я вскоре услышал от Белянова, долго не укладывалось в моей голове. Он считал, что человек, в первую очередь, это – комплекс, стусок разных видов энергии. Материальная составляющая – на втором месте. Эта энергия не ограничена и не изолирована телом от всех видов энергии окружающего пространства. Самый главный и важный, в этом комплексе, вид энергии – энергия сознания, разумной человеческой мысли. Дальше следуют энергии биохимических и физических процессов, энергии взаимодействия материальных объектов в пространстве, электричество, магнетизм, энергия распада и синтеза атомов, и многие, многие другие виды энергий, еще не известные и недоступные человеку. Все виды энергии в своем взаимо-

действию подчиняются строгой иерархии и регулируются из одного общего центра Вселенной. В это время я был ярким материалистом. Суждения Белянова входили в противоречия с моими основными убеждениями. От них веяло религией и мистицизмом. В одной из наших дискуссий, пытаясь доказать несостоятельность его гипотез, я предложил ему прокомментировать случай, произошедший со мной несколько дней назад. В начале января, в нашей местности случился природный катаклизм. Ночью, после "ледяного" дождя, долго лил дождь обыкновенный. Наутро все дороги и тротуары были покрыты слоем воды, под которой – гладкий и скользкий лед. Я возвращался с ночной новогодней студенческой пьянки. Слегка навеселе, уставший, но в хорошем, приподнятом настроении. Стараясь не упасть, постоянно глядя себе под ноги, медленно скользил по тротуару, балансируя в воздухе обеими разведенными руками. В районе площади "Советской", обратил внимание на скользившего впереди меня мужчину. Невысокий толстячок в левой руке нес большую вязаную авоську с продуктами. Сверху, высываясь больше, чем наполовину, лежал бумажный треугольный пакет кефира. У мужчины свободной была лишь правая рука, поэтому для поддержания равновесия, ему приходилось махать ею особенно интенсивно. Не знаю почему, но я вдруг явно представил себе, как мужчина сейчас, поскользнувшись в очередной раз, не удержит равновесие и упадет. Падая, он сначала взмахнет правой, свободной рукой. Потом – левой с авоськой. Распластавшись на мокром льду, он не увидит, как пакет кефира, словно камень из пращи, вылетит из авоськи. Описав крутую дугу, громко шмякнется о лед. По законам гидродинамики, находящийся в нем кефир разорвет верхний угол пакета и мощной струей вырвется наружу, прочертив на льду белоснежную полосу. Только я об этом подумал, все именно так и произошло! Теперь уже не мысленно, а воочию, я наблюдал и взмах руки, и полет пакета, и струю кефира. Пораженный случившимся, резко остановился, едва тоже не растянувшись на льду. Долго стоял и обалдело смотрел на распластанное тело, даже не сообразив оказать ему какую-нибудь помощь. Несчастному помогли подняться другие прохожие. Выслушав мой рассказ и прилагавшиеся к нему вопросы, Белянов ответил, как обычно, коротко и ясно: " Это ты его толкнул своей мыслью!" Я не стал с ним спорить, хотя меня и подмывало в этой связи, обсудить и прояснить с ним ту давнюю историю с броском мяча в спортзале. Мое материалистическое мировоззрение и сверхактивный образ жизни поневоле дистанцировали меня от Белянова, препятствовали нашему сближению и более частому, системному общению. Порой мы не виделись по несколько месяцев. Однажды, при очередной встрече, я рассказал ему, что наконец-то достал и прочитал монографию Карла Леонгарда "Акцентуированные личности". В ответ я надеялся услышать, если не похвалу, то хотя бы, сдержанное одобрение. Обретение и освоение такой редкой и интересной книги по психологии личности и межличностных отношений, я расценивал значимым шагом в своем личностном и профессиональном росте. Вместо этого я услышал ненавязчивый совет найти и прочитать книгу Пьера Абелляра "Да и нет". Меня немного задевали подобные советы. В них я подозревал какое-то наставничество, скрытые попытки корректировать мои предпочтения и убеждения. Промолчав из вежливости, я даже не задал Сергею ни одного вопроса ни о книге, ни о ее авторе. Поостыв, через время попытался ее найти. Но ни в библиотеках, ни у барыг на книжных развалах, о ней никто даже не слышал. Лишь в областной научной библиотеке, в каталогах, нашел ссылку на автора и короткую аннотацию этой книги, изданной на французском языке малым тиражом. Оказалось, что ее автор – средневековый религиозный философ, ставивший в своих трудах знак равенства между знанием и верой. А в наши социалистические анналы упоминание о нем затесалось лишь потому, что он спорил и конфликтовал с папским начальством римской католической церкви. Еще он вызвал у меня сочувствие тем, что был насильно кастрирован своими противниками. Но не за философские или религиозные убеждения, а за соращение своей юной ученицы. Книгу я не нашел и не прочитал. Зато, сделал некоторые новые выводы о Белянове. Прежде всего, я предположил, что он в своем самообразовании использует более широкий круг источников, чем мне казалось раньше.

Возможно, хорошо владеет иностранными языками. Промелькнула дурная мысль, что я имею дело с сектантом, или шпионом. Все эти подозрения спровоцировали во мне желание, при очередной нашей встрече, задать ему несколько конкретных прямых вопросов, на мой взгляд, довольно неприятных ему. Но Сергей в очередной раз, ошарашил меня своей непредсказуемой проницательностью. Внимательно посмотрев мне в глаза, не дав мне раскрыть рта и сказать хотя бы одно слово, сам спокойно и доброжелательно ответил на все вопросы, которые я ему приготовил. Причем, отвечал в том порядке и в той последовательности, как я собирался их ему задавать: " Я не сектант и не шпион. Так же, как и ты, верю в силу научного знания. Эти знания нахожу не только в рекомендованных нам учебниках и монографиях, но и в других, незнакомых и непонятных для тебя местах и источниках. Поэтому, у меня другое миропонимание и другая система ценностей. Другие цели и другие способы и средства их достижения. Ты в последнее время обращаешь внимания только на различия в наших мыслях и поступках, и мало анализируешь и осмысливаешь то общее, что у нас есть у обоих. Этого общего во много раз больше, чем подмеченных тобой различий. Мы оба идем к одной цели, но идем разными путями. Мы поступили в мединститут, чтобы научиться помогать людям. Мы всю жизнь будем этим заниматься, но не теми способами и методами, которыми нас здесь учат. Я на этом пути сегодня нахожусь немного впереди тебя. Не потому, что я одареннее, или умнее. Просто, я иду более прямой и правильной дорогой, а ты – зигзагами и кругами. Но ты будешь идти дольше, пройдешь дальше, чем я. И путь твой будет намного труднее, тернистее и опаснее моего!" К этому времени у меня уже сложилась определенная манера общения с Беляновым. Я не оспаривал, но и не принимал безусловно его слова и выводы. Просто, брал их к сведению. Потом, на досуге, часто возвращался к ним и пытался осмыслить в спокойной обстановке. Находя в них определенные смыслы, не мог ни подтвердить, ни опровергнуть их ни теорией, ни практикой. Так и хранил их в памяти, с надеждой когда-нибудь в будущем, совместить несовместимое в единое целое. Так же спокойно и по-философски, я отнесся к другим его словам. Мы разговаривали об отдаленных перспективах работы после окончания института. Неожиданно, Белянов сказал, что видит меня в том времени не в белом колпаке и медицинском халате, а в военной фуражке и кителе со звездами на погонах. В эти дни по институту шли активные разговоры по поводу перевода части наших однокурсников в Саратовский Филиал военно-медицинской Академии. Быть военными врачами желали многие. Удерживала война в Афганистане, возврат к строгой военной дисциплине и неминуемый кочевой образ жизни. Я переводиться в Саратов не собирался, о чем прямо и однозначно сообщил Белянову. Он в ответ как-то грустно улыбнулся и надолго замолчал. К этому времени я уже познакомился с инспекторами уголовного розыска и начал в свободное время посещать штаб оперативного комсомольского отряда "Меч и Пламя". Но у меня и мысли не возникло связать слова Сергея с этим моим новым безобидным начинанием. Тем более, что в институте никто, включая Белянова, о нем ничего не знал. Держа марку материалиста-атеиста, я даже не стал акцентировать его внимание на словах "вижу в том времени.." и задавать уточняющие вопросы. К этим словам и вопросам я вернулся спустя почти два года.

После долгих, мучительных раздумий и душевных терзаний, я наконец-то, определился с выбором и принял окончательное решение. Я решил оставить медицину и посвятить предстоящие годы жизни борьбе с преступностью. Об этом решении из моих родных и близких еще никто не знал. Мне еще предстояло закончить институт, сдать госэкзамены, получить диплом и военный билет офицера запаса, разобраться с распределением и интернатурой. Разумеется, я и Белянову ничего по этому поводу не говорил. В конце мая, перед самыми госэкзаменами у нас с ним состоялся очередной разговор, последний перед долгой семилетней разлукой. Он был как обычно, доброжелателен и спокоен, но выглядел болезненно и устало. Чувствуя это, я старался не допытывать его своими вопросами. Но он по собственной инициативе частично удовлетворил мое любопытство. Мы разговорились о проблеме выбора. Выслушав мои абстрактно-философ-

ские рассуждения о том, как порой трудно взвесить и просчитать все за и против, во имя одного отказаться от другого, Сергей как-то отвлеченно и бесстрастно ответил, что для него такой проблемы давно не существует. Он свой главный выбор уже сделал. Теперь прислушивается лишь к голосу совести и зову сердца. После паузы, возвращаясь к давнему нашему разговору об энергиях, признался, что кроме теоретических знаний, владеет некоторыми необычными способностями по взаимодействию с определенными видами энергий. В частности, может чувствовать некоторые качественные особенности человеческого тела и психики на расстоянии, влиять на процессы в них, изменять параметры работы органов и систем и тем самым излечивать некоторые болезни. Свои способности он объяснял умением регулировать энергетические потоки. Не внутренние, распределяющие энергию по телу и доступные специалистам по акупунктуре и другим восточным меридианным практикам, а наружные, определяющие его взаимодействие с окружающим миром. Благодаря этим потокам он может видеть некоторые события из прошлого и будущего времени. В моем понимании, это уже был явный перебор. Мой материалистический скептицизм хлынул через край. Я высказал ему все сомнения на этот счет и в ультимативной форме потребовал доказательств. Если он в моих глазах не хочет на всю жизнь остаться пустым болтуном и фантазером, пусть, прямо здесь и сейчас, не сходя с места, продемонстрирует мне свои способности и умения. Впервые за шесть лет нашего знакомства, мне показалось, что мои слова его оскорбили или обидели. На секунду, его усталые глаза отозвались вспышкой какой-то сильной и непонятной для меня эмоции, лицо напряглось и покраснело. Промолчав еще несколько секунд, сдержано ответил: "Это – не забава и не аттракцион. Я не могу демонстрировать и применять свои способности для развлечения и ради показухи. Я не могу их использовать по своему усмотрению, где попало, как попало и ради чего попало. Только в крайних, исключительных случаях и безальтернативных ситуациях. В этом я лишен права выбора. И это – главное условие и истинный смысл моей безграничной свободы. Придет время, ты сам в этом убедишься!"

Перейдя на службу в милицию и став сотрудником уголовного розыска, я на несколько лет, практически полностью, прервал все контакты со своими бывшими однокурсниками и коллегами. Здоровье не требовало медицинского вмешательства, а постоянно объясняться и оправдываться по поводу нарушения клятвы Гиппократата, просто надоело. В жаркий июльский полдень 1990 года, я с трудом выкроил полчаса обеденного времени, чтобы навестить свою младшую дочь в детской областной больнице. Ей успешно выполнили несложную операцию, но несколько дней еще предстояло провести под стационарным наблюдением. Выходя из прохладного корпуса в раскаленный больничный двор и щуря глаза на ослепительном солнце, заметил неподалеку пару таких же, как и я, посетителей больницы. Молодая женщина, лет 25-27 стояла ко мне лицом. Со слезами на глазах, выразительно жестикулируя руками, она что-то страстно говорила стоявшему напротив, ко мне спиной, священнику. Подобные картины в больничных дворах и коридорах в то время стали обыденностью. Все меньше надеясь на хиреющую и нищающую медицину, бедные люди все чаще обращались за помощью и спасением к служителям церкви. Я относился к этому спокойно и нейтрально. В увиденной картинке, почему-то больше посочувствовал не женщине, переживающей за жизнь или здоровье собственного ребенка, а священнику. Через минуту, под палящим солнцем, мне стало нестерпимо жарко в белой хлопчатобумажной рубашке с коротким рукавом. Каково же было бедному батюшке, в такой жаре стоять в черной шерстяной рясе, застегнутой на все пуговицы, в черном колпаке на голове?! Уже поравнявшись с ними, краем глаза успел заметить, что священник повернулся и смотрит в мою сторону. Я машинально повернул голову в его направлении. И сразу же, узнал его, несмотря на необычное одеяние, длинные волосы, окладистую бороду и усы, скрывавшие добрую половину лица. Узнал по тому же ясному и пронзительному взгляду. Это был Белянов! Поняв, что и он узнал меня, терпеливо дождался окончания его разговора с расстроенной матерью. Подвозя его на своей машине до Ореховской трассы, выслушал его короткий рассказ

об уходе из медицины после трех лет работы участковым врачом в ЦРБ. В ответ кратко изложил ему свою историю. Он был, наверное, первым моим однокурсником, у кого она не вызвала удивления и осуждения. Я, тоже, довольно спокойно отнесся к его метаморфозе. Лишь иронично заметил, каких классных специалистов готовит наш родной медицинский институт – один ушел служить Фемиде в милицию, другой – Господу-Богу, в церковь! Продолжая шутку, Сергей добавил, что это – все равно честнее и полезнее, чем служить Золотому Тельцу на базаре. Я понял, что он имел в виду. Несколько наших однокурсников, по причине низкой зарплаты и невыносимых условий работы, тоже бросили медицину и мотались "челноками" в Польшу и Китай. Расставаясь, обменялись номерами мобильных телефонов. Белянов предупредил, что пользуется мобильной связью очень редко. Если он мне, вдруг, понадобится – лучше искать в приходе, в небольшом селе в двадцати километрах от Запорожья.

В приход к нему я ездил всего один раз. Привозил мать пропаще-пропавшей наркоманки. Ее несовершеннолетняя дочь отбилась от рук, связалась со взрослыми, ранее судимыми наркоманами – ворами. "Присев" на маковую "ширку", сначала тайком уносила из дома ценные вещи, потом стала красть материнскую зарплату. Ни лечение, ни постановка на учет в инспекции по делам несовершеннолетних, никакого результата не дали. Стала неделями пропадать вне дома, появляясь лишь на короткое время, когда мать была на работе. Потом начали приходить дальние родственники и знакомые. Жаловались, что девчонка под разными предлогами назанимала у них приличную сумму денег. У одноклассницы, побывав в гостях с неизвестным взрослым парнем, украли семейные золотые украшения. Все требовали возмещения ущерба. Отчаявшаяся мать, не видя выхода из создавшегося положения, серьезно задумывалась наложить на себя руки. По милицейской линии я сделал все что мог, но изменить ситуацию не получилось. Узнав, что ею заинтересовался уголовный розыск, девчонка и вовсе ушла в криминальное подполье. Больше трех месяцев мать вообще ничего не знала о ее судьбе. Тогда-то у меня и возникла мысль свозить ее к отцу Сергию. Приняв несчастную женщину в церкви, он разговаривал с ней наедине более двух часов. Мне в тот приезд, он смог уделить всего несколько минут – начиналась вечерняя служба. Мы договорились с ним, что не обязаны предоставлять друг другу конфиденциальную и "служебную" информацию о людях, обратившихся за помощью, об их бедах и проблемах. Тем более, посвящать в нее третьих лиц. Дело было не только в желании не переступить через профессиональные запреты в виде тайны исповеди и режима секретности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. В то время мы еще не были ни единомышленниками, ни единоверцами, ни закадычными, проверенными жизнью друзьями. Мы просто уважали и доверяли друг другу. Как и прежде, нас объединял главный медицинский принцип – "Не навреди!" За последующие годы я направил к нему несколько десятков людей, нуждавшихся в помощи, которой я не имел возможности им предоставить, используя все мои служебные возможности и ресурсы. Ни у кого из них я потом не интересовался, как проходило их общение с отцом Сергием, какой был результат. Несколько человек, впоследствии, сами благодарили меня за организацию этих встреч, за полученную помощь и поддержку. Помня наш уговор, я никогда не задавал им лишних вопросов и ограничивался лишь этой скромной благодарностью.

После трех месяцев активного, но абсолютно безрезультатного розыска Кондратенко Вовки, я снова обратился к Белянову. Он, наконец-то, отзвонился на мои пропущенные звонки. Выслушав мою просьбу о встрече, сообщил, что завтра собирается ехать в город. Напомнил, чтобы я не забыл принести на встречу фотографию и что-нибудь из личных вещей пропавшего. Встречались и разговаривали мы на лавочке в тенистом сквере. На этот раз Сергей приехал в обычной мирской одежде, такой же старомодной и неброской, как и в молодые институтские годы. Внимательно изучив фотографию и переданные мне "Ежом" солнцезащитные очки брата, не выпуская их из рук, плотно сомкнул веки. Я терпеливо ждал, не отводя глаз от его лица. Кроме заметного напряжения, в течение нескольких минут, мне пришлось

наблюдать на нем целую гамму сменяющих друг друга выражений, отображающих движение его мыслей и чувств. Открыв глаза, Сергей еще какое-то время бессмысленно и рассеяно смотрел на меня. Когда его лицо, наконец-то приняло естественное, осмысленное выражение, я еще несколько секунд продолжал наблюдать на нем следы невыносимой скорби и печали. Отведя взгляд в сторону, тихим и уставшим голосом, словно извиняясь передо мной, наконец-то произнес: "Я не нахожу душу этого несчастного человека ни среди живых на Земле, ни среди тех, кто уже покинул ее и вознесся к Господу на небеса!". Потом достал из внутреннего кармана пиджака четки с маленьким деревянным крестиком, стал сосредоточенно перебирать пальцами шарики – звеня. Беззвучно шевеля губами, то ли разговаривая сам с собой, то ли читая молитву, снова замкнулся в себе. У меня создалось впечатление, что мой друг пытается в чем-то разобраться и принять какое-то трудное и важное решение. Наконец, он повернулся ко мне и заговорил: "Ваш друг погиб! Его убила злая темная сила. Тело его скоро найдется, а душа вернется к Богу. Зло нельзя победить силой! Даже Добро, идя таким путем, само быстро превращается в Зло. Вам нужно будет предать тело земле, похоронить своего друга по-людски, сохранить память о его доброй Душе и честном имени. И, на этом, остановиться! Особенно тебе. В своей былой службе ты дошел до предела, растрепал и искалечил свою Душу до крайности. Лишь по своей великой и безграничной милости, Господь уберег тебя от ранней смерти, позора и проклятия близких. Не гневи Его, не перечь Его воле, обуздай свою гордыню. Все уже случилось, ничего нельзя исправить. Несчастному и его родным уже не помочь. Ты уже не на службе. Все твои дальнейшие действия будут мезтью. Это не борьба со злом, это будет его возвращением и увеличением. Ты говорил, что у убиенного есть родной брат?! Привези его, мне нужно будет с ним поговорить". С этими словами Белянов вложил мне в руки фотографию и Вовкины очки, встал с лавочки, как обычно, не прощаясь, пошел по аллее на выход из сквера. Я продолжал сидеть пережаривая услышанное. Глядя на удаляющуюся фигуру, с удивлением отметил, как изменилась его осанка и походка. У меня сложилось впечатление, что за время этого короткого разговора отец Сергей устал до изнеможенности и постарел лет на двадцать.

Первые результаты

Шел пятый месяц розыска. Прodelав огромный объем работы, не продвинувшись вперед ни на шаг, и мы, и милиция, безуспешно топтались на месте. Проверили и отработали десятки больниц и моргов, осмотрели сотни неопознанных трупов и находящихся в коме и беспамятстве больных. Все – впустую! Мы с "Коршуном", закаленные годами нелегкой милицейской службы, видевшие за это время всякое, еще как-то держались. "Еж" начал сдавать. После осмотра двух обгоревших мужских тел, его стошнило и вырвало прямо в одном из киевских моргов. Нервы его заметно расшатались. Сказывалось и переживание за мать. Здоровье тети Паши таяло на глазах, последние недели она безвыходно проводила в больницах. Сергей разрывался между Харьковом и Донбассом. Изменилась и позиция сотрудников милиции. В первые недели, они с пониманием шли нам навстречу, отзывались и поддерживали все наши инициативы. Потом все чаще стали ссылаться на загруженность другими делами, нехватку времени и ресурсов. Даже мои связи с высоким милицейским и прокурорским начальством уже не спасали положение. Перестали работать, ранее безотказные и эффективные, способы индивидуального материального и морального стимулирования исполнителей. В последние недели они тоже потеряли надежду на успех и не стесняясь, начали отмахиваться от нас, как от назойливых мух. "Коршун", с самого начала, в качестве перспективного направления работы, выделил отработку Киевского пассажирского железнодорожного вокзала. Дважды, с фотографией и описанием внешности опрашивал персонал, билетных кассиров, местных торговцев и таксистов. С помощью Харьковских и Донецких оперов, переговорил почти со всеми сотрудниками местного ЛОВД. Никакой полезной информации не добыл. Ни у кого из опрошенных не отложился в памяти ни приезд Вовки на вокзал, ни убытие с него. Упрямый "Коршун" не хотел сдаваться и постоянно убеждал меня сконцентрировать внимание на Киевском регионе. Ссылаясь на "чуйку" – свою оперативную интуицию. В Харькове его таксование в редкие свободные вечера и бессонные ночи, уже не давало былого дохода. Он и дожал меня этим последним аргументом. За четыре месяца активной работы, мы вдвоем потратили довольно внушительную сумму и уже начинали испытывать некоторые трудности в финансовом обеспечении запланированных мероприятий. "Коршун" убедил меня, что одним выстрелом убьет сразу трех зайцев. В Киеве частный извоз будет приносить больше дохода, он убедительно обоснует свои частые отлучки из Харькова и успокоит семью, а заодно, сможет немного отдохнуть от постоянного присутствия и утомляющих эмоций "Ежа". Я тоже прислушивался к своей оперской интуиции. Понимал, что дополнительная отработка Львовского, Харьковского и Донецкого регионов, даст меньше информации и новых шансов на успех, чем такая же работа по Киеву. Проанализировав все отписки и более-менее реальные ответы, полученные из этих регионов по запросам харьковских и донецких оперов, пришел к выводу о целесообразности повторной отработки моргов и бюро судмедэкспертиз. За прошедшее время, у них могла появиться интересующая нас информация. В силу традиционного разгильдяйства, текучки кадров и прочих объективных причин, она могла быть, просто оставлена без внимания и не отправлена инициаторам розыска. С этими установками, с неиссякающей верой в удачу, "Коршун" через пару дней после нашей встречи и обстоятельного, предметного разговора, отбыл в столицу. Сначала он звонил мне ежедневно. Рассказывал о том, как устроился в Киеве, начал работать частным извозчиком от вокзала и аэропорта в Жулянах. Передал мне пару приветов от бывших моих коллег, с которыми я рекомендовал ему встретиться сразу же по приезду на место. Они же помогли ему утрясти несколько конфликтных ситуаций с местными "бомбилами", недружелюбно встретившими иногороднего конкурента. Когда приступил к основной работе по делу Кондратенко, звонить стал заметно реже. Я не переживал, что он может отлынивать и бездельничать. Наоборот, все чаще удивлялся и радовался, что невзирая на возраст и бывшее неспра-

ведливое увольнение, "Коршун" сумел сохранить в себе интерес и ответственное отношение к такому трудному и опасному занятию. Будут подвижки, будет информация – будут и звонки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.